

Сергей Степанов-Прошельцев

*Этюды
в зелёных
тонах*

Сергей Степанов-Прошелецев

Этюды в зелёных тонах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43313098

ISBN 9785005013873

Аннотация

Эта книга о среде нашего обитания. Мы живём, как на пороховой бочке, и сами в этом виноваты, потому что губим природу, рубим сук, на котором сидим. Но есть ещё пути к спасению.

Содержание

Глава первая: лепота	6
ОЧЕНЬ ПЬЯНАЯ РЕКА	6
ГДЕ ТЕЧЁТ ГНИЛИЧКА-НЕВЕЛИЧКА...	12
ПАХНЕТ ЯБЛОКАМИ И МАЛИНОЙ	24
В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Этюды в зелёных тонах

Сергей Степанов- Прошельцев

© Сергей Степанов-Прошельцев, 2019

ISBN 978-5-0050-1387-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Любовь моя, цвет зеленый.

Зеленого ветра всплески...

Федерико Гарсиа Лорка. Сомнамбулический романс

Что такое экология? Трудный вопрос. Наверное, можно ответить так: «Экология – это наука о взаимоотношениях организмов со средой их обитания». Но другие утверждают другое. И получается, что эколог представляет собой некоего вольнодумца, который самовольно вторгается в епархию ботаника и зоолога, физиолога и метеоролога, геолога и физика и даже социолога, то есть это самый настоящий браконьер.

И вот тут – парадокс. Мы в точности не знаем, что такое экология, кто такой эколог, но зато хорошо представ-

ляем себе последствия экологического кризиса, а возможно даже, экологической катастрофы. И непонятно, почему не сказать прямо: экология – охрана, защита окружающей нас природы, детьми которой все мы являемся?

Данная книга посвящается именно этому. Автор не претендует на всеобъемлющий анализ и обобщения. Речь идет только об одном регионе нашей страны – Нижегородской области. Это заметки на разные темы. Тут и реальность, и мистика, и проблемы, и все остальное, что составляет нашу такую непростую жизнь.

Глава первая: лепота

ОЧЕНЬ ПЬЯНАЯ РЕКА

Река Пьяна не такая уж большая — в семь раз меньше Волги, в три раза меньше Оки. Но в то же время на территории Нижегородской области она — вне конкуренции. Здесь «на спидометр» Пьяна наматывает 436 километров.

И никто ей не соперник. У Волги «пробег» составляет 277 километров, у Оки — 270, у Теши — 311, у Керженца — 290, у Ветлуги — 323, у Серези — 196.

А всё потому, что Пьяна — река с секретом.

Подвели жара и пиво

Название свое река получила за чрезвычайно извилистое русло, по которому она направляется то вперед, то вбок, то назад, и, как писал Мельников-Печерский, «шатается и мотается во все стороны, ровно хмельная баба, и, пройдя верст пятьсот закрутасами да изворотами, подбегает к своему истоку и чуть возле него в Суру вливается» (Мельников П. И. (Андрей Печерский) На горах. Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1978). И действительно: ни у одной реки в мире верховья и низовья не находятся так близко, как у Пьяны: всего в трех десятках километров».

Но назвали реку не только потому, что она «шатается и мотается». Много лет назад здесь шатались и мотались беспечные русские воины. Пируя на берегу Пьяны, они стали легкой добычей для коварного врага. Случилось это в безумно далеком 1377 году.

Но вернемся еще на десять лет назад. В 1367 году летописец сообщал о том, что «*князь ордынский именем Булат-Темир пришёл с ратью татарской*» (Кузнецов Е. В. Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях: Хрестоматия. Москва. Р.У.К. 2008). и навёл шорох на русские селения в междуречье Волги и Сундовика, «*пожѣг их и пограбил*» (там же).. Узнав об этом, князь Дмитрий Константинович спешно собрал дружину и вместе со своими братьями выступил навстречу врагу. Этот стремительный рейд принёс успех. Татары бежали, бросив обоз, многие были убиты, другие утонули в реке. А вскоре Булата-Темира отравили в Орде по приказу царя Азиза.

Но прошло десять лет, и всё повторилось с точностью до наоборот. Татарский царевич Арапша со своим войском направился к Нижнему Новгороду, а князь Дмитрий Константинович послал гонца к своему зятю, московскому князю Дмитрию Ивановичу, будущему герою Куликовской битвы. Попросил помощи.

Дмитрий Иванович в помощи не отказал. Но рать, отправленная им к стенам нижегородского кремля, врага из поля зрения потеряла. Плохо была поставлена разведка, лазутчи-

ки о продвижении Арапши не могли сказать ничего определенного. И московские воеводы ни с чем возвратились во-свояси.

Но Дмитрий Константинович подозревал, что Арапша, выражаясь современным языком, где-то залёг на дно. Он явно выжидал удобный момент, намереваясь напасть на Нижний, когда там окончательно расслабятся и потеряют всякую бдительность. И по-новой поскакали гонцы в Первопрестольную, чтобы слёзно просить о поддержке.

На этот раз Дмитрий отрядил в Нижний сборное войско. В него входили полки из Владимира, Муром, Ярославля, Суздаля и Юрьева. Сюда же влились и дружинники Дмитрия Константиновича. Это воинство направилось к Пьяне, хотя точно никто не знал, где в то время находился Арапша.

Стояла сильная жара. Такая, что на камнях, раскаленных от солнца, жарили яичницу. В тяжелых доспехах идти было невозможно. Пот заливал глаза. Поэтому кольчуги побросали на телеги вместе с копьями и щитами. А когда вечером разбили походный лагерь, жители окрестных деревень, подкупленные Арапшой, поднесли щедрое угощение: хмельные меды-перевары и пиво. И пили их, как свидетельствовал летописец, *«допьяна без меры»* (там же).

Ничего хорошего из этого гульбища, разумеется, не вышло. *«В то время, – говорится в летописи, – язычники князя мордовские подвели тайно рать татарскую из Мамаевой Орды на князей наших»* и внезапно ударили с тыла – отту-

да, откуда их совсем не ждали, и *«кололи и секли без устали»*. А многие, как сын Дмитрия Константиновича, Иван, утонули в реке, пытаясь спастись бегством. Уцелела от этой жуткой резни только горстка воинов, которым *«хмельных питий не досталось»* (там же).

Разбойничья обитель

Потом Пьяна и ее притоки стали местом, которое облюбовал самый, наверное, знаменитый на Нижегородчине разбойник Галаня – он прославился тем, что пять раз совершал побег из острога. Причем однажды даже тогда, когда был прикован цепями к стене.

Настоящая фамилия и имя Галани – Галактион Григорьев. Он был уроженцем села Саблукова Прудищенской волости Васильского уезда. Этот уезд и раньше населяли разбойники. В семнадцатом веке, например, беспределом занимался татарин Саблук, потом его сменил другой «вор» по кличке Зверь.

Галаня начал с того, что ходил с пятнадцатью удалцами *«в помещичьи дома псалмы петь»*. Потом стал *«на большой дороге с купцов подорожную пошлину собирать»*, то есть грешил, выражаясь современным языком, заурядным рэккетом (Журнал нижегородского наместнического правления, 1781, Центральный архив Нижегородской области (ЦА-НО). Грабил и монастыри, в частности, Крестомаровский. Уходя с добычей, сподвижники Галани его подожгли. Опу-

стошили они и богатый Оранский монастырь. Там тоже взяли богатый куш. Колокола бросили в болото.

Обосновался Галаня в дремучем лесу, построил укрепленный городок с земляными валами и чугунными пушками, снятыми с волжских судов. Однако Галаню всё-таки изловили. И он снова доконал царских сатрапов хитростью своей. В «Журналале Нижегородского наместнического правления» за 1783 год отмечалось: *«Назначенный к отправлению на каторгу Галактион Григорьев, он же Галанка, сделал заявление, что товарищи его предположительно скрылись и поныне живут в урочище Шумцы, в 60 верстах от Василы»*. Якобы зимуют они там в хорошо замаскированной и достаточно комфортабельной землянке. Для пущей убедительности разбойник сообщал, что оставил там несколько кулей муки.

Царские сыскари клюнули на эту наживку. Они посадили Галаню в сани и отправились вместе с ним к тому месту, которое он указал. Но по дороге *«каторжный утеклец»* умудрился задушить цепями, которыми был закован, своих стражей и преспокойно сбежал. Никакой землянки в том районе, о которой он говорил, конечно же, не обнаружилось.

И Галаня продолжил свои подвиги. В июне 1783 года балахнинский капитан-исправник сообщал в наместничество, что ночью 5 июня Галаня ограбил купеческие суда близ Городца, а на другой день – ещё одно судно. Сразу же вслед за этим Галаня совершил нападения на императорскую по-

чту, а потом опять на проходящий мимо купеческий караван.

Так бы продолжалось и дальше, но неожиданно Галаня умер – то ли от обычной простуды, то ли от какой-то другой болезни в глухих лесных урочищах лекарей не было. Товарищи по разбойному промыслу похоронили его со всеми почестями – в лодке, которую, как рассказывает легенда, доверху забросали золотом и драгоценностями. С тех пор эту лодку тщетно пытаются найти кладоискатели.

Назад, к истокам!

Странность Пьяны заключается ещё и в другом. Когда в нижнем течении этой реки выпадают сильные дожди или весной образуется ледяной затор, а в верхнем течении стоит сухая погода, уровень воды в низовьях становится выше, чем в верховьях. И река начинает течь в... обратном направлении. Правда, это случается очень и очень редко.

Такую привычку менять направление своего движения, кроме Пьяны, в России имеют лишь Сухона, Шуя («тезка» реки в Ивановской области, которая течет в Карелии) и Обь. Последняя разливается в целое море размером с Каспийское.

В общем, Пьяна – река уникальная. Жаль только, что её до сих пор не занесли в Книгу рекордов Гинесса, как самую капризную в мире. Есть за что.

ГДЕ ТЕЧЁТ ГНИЛИЧКА-НЕВЕЛИЧКА...

Места здесь — залюбуешься. Таких в черте современного города встретишь нечасто. Между тем посёлку Гнилицы, который давно уже стал составной частью Автозаводского района Нижнего Новгорода, впору отмечать своё 600-летие. Но первое упоминание о нём — не абсолютно точный возраст этого поселения. Наши предки квартировали здесь гораздо раньше.

Ампир соседствует с барокко

Речка Гниличка невелика. Длина её — всего 18 километров. Но прежде, чем слиться с Окой, она выбирает в себя ещё один, уже свой собственный, выющийся ужом десятикилометровый приток, справедливо названный Выюницей. Даже и не верится, что по рекам этим когда-то курсировали пароходы. Но ведь было такое — зафиксировано документально! В начале прошлого века сюда приезжали нижегородцы на пикники.

Сейчас Гниличка больше похожа на каскад стоячих прудов, чем на обычную реку. Да и вообще многое здесь изменилось. Появились дома, похожие на средневековые замки. Впрочем, смешались все архитектурные стили: ампир соседствует с барокко, рококо — с конструктивизмом, модерн —

с ренессансом. Но есть и такие гибриды, что вообще диву даёшься.

А вот леса в окрестностях такие же, как и раньше. Стригинский бор, например, раскинулся на площади 179 гектаров. Гренадёрские ряды взметнувшихся ввысь строевых сосен растут так тесно друг к другу, что скупно процеживают солнечный свет. Всё так же цветут фиалки; в болотной ряске желтеют цветы кубышки, можно встретить ирис, грушанку, кизильник, иргу. Если повезёт, иногда удаётся набрать корзинку черники или земляники. Видели здесь даже редких краснокнижных птиц – чернозобую гагару и выпь.

Учёные считают, что вся эта флора и фауна появились после таянья ледников, то есть примерно 12—13 тысяч лет назад. Люди пришли сюда гораздо позже – в V тысячелетии до нашей эры. Но стоянки их, как правило, были кратковременные. Наши предки занимались в основном охотой и рыболовством и мигрировали вслед за преследуемой ими добычей.

Директор Дзержинского краеведческого музея Андрей Сафонов обнаружил свыше 60 таких стоянок, нашёл кремнёвые топоры, осколки гончарных изделий, наконечники стрел. Археологическая экспедиция, организованная Академией наук СССР в 1946 году, раскопала целое городище под Гавриловкой. Наши предки, жившие в эпоху неолита, успешно осваивали технику обработки камня, кости, кожи и других подручных материалов.

Самый непокорный народ

Гнилицы строились в глухом лесу, который с трех сторон окружали болота. Земли эти принадлежали Амвросиево-Никольскому Дудину монастырю, который находился близ деревни Тетерюгино на территории нынешнего Богородского района, и первые обитатели посёлка платили оброк монахам. Платили, как правило, мёдом, поскольку среди них преобладали бортники.

Но, возможно, посёлок тогда назывался иначе: не Гнилицы, а Глиницы. Не по имени ленивой и весьма дурно пахнущей реки, вытекающей из Елховских болот, а из-за того, что в округе были одна глина да трясины. Существует предание, что где-то на стыке XVIII и XIX веков губернский писарь при составлении ревизской сказки (документа, отражающего результаты проведения переписи податного населения) допустил опisku, и, по воле этого грамотея, посёлок стал называться именно так, как его называют сегодня.

Бортничеством в Гнилицах занимались недолго. Леса выжигались, пни выкорчевывались, дикие пчёлы, в конце концов, перевелись. Жители посёлка переквалифицировались в хлебопашцев, разводили домашнюю живность. Статус государственных крестьян они приобрели при Петре I. Во время второго своего посещения Нижнего Новгорода в 1722 году он повелел учредить верфь для оснастки судов, а дабы обучить местных жителей судостроению, отрядил в Нижний

Новгород мастеров из северной столицы. Те, кстати, осели здесь, обзавелись семьями.

Деревянные суда стали строиться там, где был близко строевой лес. Таким образом, на берегах Оки возникли не одна, как планировал император, а сразу пять судостроительных контор: в Балахне, Городце, селе Черноречье, в деревне Гавриловке и в Гнилицах. Весной, во время паводка расшивы, барки и шебеки сами собой спускались на воду. Пенька доставлялась из Горбатова, цепи и якоря – из Кустарихи, где сегодня клепают такую же продукцию коллектив завода «Красный якорь».

Но на верфи требовались мастеровые. И Петр I принимает эпохальное по своей значимости решение. Он начинает освобождать крестьян от крепостной зависимости, переводя их в статус государственных.

Вначале это коснулось тех, кто ещё не был закрепощён: сибиряков, однодворцев (служилых людей, охранявших границы России), мордвы, черемисов, татар, представителей других национальностей Поволжья и Приуралья. Но сдвинуть их с насиженных мест было крайне трудно – на верфях работать они не хотели. И тогда император начинает войну с монастырями, которые имели огромные земельные владения. И эту войну он выигрывает. Часть монастырских крестьян перешло в разряд государственных. Прежде всего, в непосредственной близости от центров судостроения. Эту войну продолжила потом Екатерина II, и в результате число

государственных крестьян даже превысило количество крепостных. К 1858 году последние составляли только 35 процентов от их общего числа.

Государственные крестьяне, конечно же, в полном смысле не были абсолютно свободными людьми. Но они обладали некоторыми юридическими правами – могли выступать в суде, заключать сделки, владеть собственностью, торговать, открывать фабрики и заводы. Считалось, что землю, на которой работали такие крестьяне, они арендовали. Но на практике арендаторы совершали сделки как непосредственные владельцы земли.

Надо сказать, жители Гнилиц использовали свои права едва ли не на все сто процентов. Многие из них были ямщиками, имели трех и более лошадей. Другие заводили свои кузницы. Те, кто победней, летом уходили на Волгу бурлачить, нанимались на рыбные промыслы, работали грузчиками-соленосами в Молитовке. Многим указам не подчинялись. *«Самый непокорный народ в губернии»* (ЦАНО. фонд А. Муравьева), – заметил как-то нижегородский губернатор Александр Муравьев, сам, кстати, в прошлом сосланный в Сибирь за то, что примыкал к декабристам. Государь, правда, потом его помиловал.

В 1875 году в Гнилицах открылось начальное мужское училище, а спустя некоторое время и женское. В 1880 году сюда было перенесено волостное правление. Эта волость входила тогда в Балахнинский уезд. Волостным писарем вы-

брали владельца кирпичного завода и виноторговца Павла Мочалова (однофамильца революционера, чьим именем названа одна из улиц Сормова). Волостной писарь был крайне недоволен тем, что с развитием Сормовского завода поселковая молодёжь нанималась туда работать. И вместе с другими богатыми земляками – Николаем Аверкиевым и Фёдоровым Авериным – вкладывает деньги в строительстве в Гнилицах чугунно-литейного и механического завода. Но, увы, конкуренцию он Сормовскому гиганту не составил. Построив три парохода, компания развалилась. Это произошло как раз в 1905 году, когда, рабочие, не получившие денег от обанкротившегося предприятия, снова переметнулись в Сормово, где приняли участие в баррикадных боях.

Но как-то так случилось, что не сохранилось архивных документов о том, что происходило в Гнилицах на протяжении целых десятилетий до этого. Известно только о пожаре 1840 года, в результате которого выгорели практически все дома и деревянная церковь. Наверное, и все документы превратились в пепел. Но погорельцы довольно быстро поставили новые срубы, построили каменную церковь, и посёлок восстановил стус-кво. Перепись 1897 года зафиксировала в Гнилицах 200 дворов, где проживало свыше тысячи человек.

Верфь в Гнилицах действовала до 1915 года. Во время Первой мировой войны после призыва в армию большинства её работников она прекратила своё существование.

Памятник архитектуры

Церковь Рождества Богородицы в поселке Гнилицы – одна из самых старых в Нижнем Новгороде. Она много раз перестраивалась и окончательную свою форму обрела лишь в 1903 году стараниями астраханского купца Егора Зиновьевича Коссова. Причём тут астраханский купец, я, честное слово, так и не выяснил. Наверное, имел какие-то корни в Гнилицах. При церкви действовала богадельня для престарелых прихожан, за кем некому было ухаживать. Она размещалась в доме старосты церкви Чушанина (или Чуманина). В 1916 году в приходе церкви числилось около 2,3 тысячи человек.

И 1905 год, и 1917-й жители Гнилиц встретили спокойно. В основном здесь жили люди глубоко верующие, законопослушные. Когда в стране развернулась антирелигиозная кампания, церковь не закрыли. Видимо, власти побоялись, что отлучение от храма даром не пройдёт, но в 1937 году его всё-таки опечатали. Энкавэдешники арестовали многих священнослужителей – Иоанна Беякова, Андрея Виноградова, Ивана Ганина, Виктора Зефирова, Якова Гортинского, Арфея Гущина. Загребли даже уборщиц — Марию Владимирову, Анну Ежову и Екатерину Постникову. Все они проходили по делу об участии в контрреволюционной фашистской организации. Её якобы возглавлял 73-летний горьковский митрополит Феофан (Василий Туляков). Всего репрессиям под-

верглось более 300 человек. В обвинительном заключении говорилось, что подсудимые готовили террористические акты против Сталина и Ворошилова и занимались шпионажем. Первыми 29 августа 1937 года были казнены А. Виноградов, И. Ганин, А. Гущин, В. Зефиров, А. Ежова и Е. Постникова. 4 октября расстреляли В. Тулякова и А. Дертева, а самым последним принял смерть 16 декабря Яков Гортинский. О судьбах Иоанна Белякова и Марии Владимировой ничего неизвестно. Павел Васильевич Никольский учился в Казанской духовной семинарии с 1882 по 1886 год. В списках лиц, имеющих право на голосование в Государственную думу, составленных в 1905 году он значится как протоиерей. В 1937 году священнику было, по меньшей мере, 75 лет.

После того, как была ликвидирована «контрреволюционная банда», церковь в Гнилищах преобразовали в клуб. Только 13 ноября 1991 года Автозаводский райисполком принял решение о передаче здания клуба приходу.

Каждый год 15 апреля прихожане отмечают день кончины протоиерея Григория Васильевича Долбунова. Он родился 18 декабря 1905 года в селе Наруксово Нижегородской губернии. Как вспоминал священник Дмитрий Морозов, в молодости Долбунов сильно болел, но благодаря молитвам исцелился от всех своих хворей. Он не сразу стал пастырем. Строил Канавинский мост, работал на заводах Дзержинска. Уже в зрелом возрасте стал псаломщиком в Карповской церкви Преображения Господня. В 1957 году митропо-

лит Нижегородский и Арзамасский Корнилий рукоположил Долбунова в сан дьякона, а затем – в сан священника.

Прихожане бережно хранят память о Григории Васильевиче. Он утешал и наставлял, молился о страждущих. Старец скончался в 1996 году и похоронен у храма в Гнилицах. В часовенке всегда живые цветы и горят свечи. Сюда приходят те, кто нуждается в помощи, и, как говорят, помощь эта приходит. Лично мне известно, что исцелилась от тяжелого недуга Валентина Писарева-Белинская.

Пройдусь я по Учительской, сверну на Тростниковую...

В мае 1930 года в деревне Монастырка, которая входила в Гнилицкую волость, началось возведение Горьковского автомобильного завода. Но ещё раньше в посёлке стали строиться бараки, чтобы приютить направляющуюся в Горький со всех концов Советского Союза рабочую силу. Появляются целые улицы, застроенные такими бараками: Новошкольная, Учительская, Шушенская, Тростниковая. И в сооружении ГАЗа участвовали не только жители Гнилиц, но и прилегающих к ним посёлков – Стригино, Нагулино, Малышево. В 1934 году практически всю бывшую Гнилицкую волость включили в состав Автозаводского района Горького. Перед самой войной в посёлок пришёл трамвай.

Но трамвай ходил редко. Добраться до автозавода каким-то другим способом было крайне сложно. Пассажиры

висели на подножках, рискуя свалиться на рельсы, влезали на крыши. Как вспоминал ветеран автозавода Михаил Захаров, особенно тяжело было добираться до места работы во время войны, когда за опоздание грозил лагерный срок. И были такие, кто оказывался за решёткой не по своей воле.

Немало испытаний выпало на долю жителей Гнилиц в эти суровые годы. Горьковский автозавод немцы стали бомбить уже с ноября 1941 года. В числе погибших в прессовом цехе на производстве рам был и житель Гнилиц, мастер Иван Леонтьевич Лышнов. Он посмертно награждён орденом Отечественной войны.

Но доставалось не только оборонным предприятиям. Только во время одного из первых авианалётов на Гнилицы и Нагулино было сброшено семь фугасов. Общее число жертв неизвестно. Но особенно сильно Гнилицы пострадали в августе 1942 года. От возникшего пожара сгорело несколько домов, к счастью, огонь удалось локализовать. Бомбили и аэропорт в Стригино.

Одна из улиц Гнилиц названа именем Героя Советского Союза Якова Яковлевича Ляхова. Он родился здесь в 1922 году. С детства мечтал стать лётчиком. Незадолго до войны поступил в военное училище. Боевое крещение Ляхов принял под Сталинградом, и уже в первых воздушных боях проявил смелость и решительность. Участвовал в освобождении Ростова-на-Дону, отличился при штурме укреплений противника на реке Молочной.

В марте 1944 года Ляхов вылетел на очередное задание. Аэродром фашистов после массированной атаки наших штурмовиков стало завлакивать черным дымом от горящих «юнкерсов», не успевших подняться в воздух. Тот тут, то там рвались бензозаправщики. Вражеские зенитчики не смогли тогда сбить ни один наш самолёт. Яков Ляхов был представлен к правительственной награде.

Погиб он 17 сентября 1944 года, совершая свой 153-й боевой вылет. В схватке с двумя немецкими истребителями над эстонским городом Валга, который вплотную примыкает к латвийскому городу-тёзке Валка, Ляхов не сумел сманеврировать, пулемётная очередь прошила самолёт, бензобак загорелся...

Раньше жители Гнилиц и города Валга поддерживали дружеские связи, постоянно обменивались делегациями. В сентябре 1964 года туда выезжали отец героя Яков Матвеевич Ляхов и школьники вместе с учительницей Фаиной Байчуриной. Тогда же был торжественно открыт памятник лётчику, отдавшему свою жизнь за освобождение Прибалтики. В память о земляке у его могилы был посажен молодой дубок. Сохранился ли этот памятник сегодня, когда в бывших советских республиках пытаются начисто искоренить память о тех, кто погиб, очищая мир от фашистской нечисти, в Гнилицах никто не знает.

Сажены в контейнерах

Едут в Гнилицы не только для того, чтобы отдохнуть. Садоводов, например, привлекает питомник «Школьный сад», где впервые в области внедрили посадку саженцев в контейнеры.

Началось всё в 1989 году, когда агроном Владимир Шиблев стал выращивать цветы и декоративные растения. В непростые 90-е годы прошлого века существование питомника было под большим вопросом. Помогали Шиблеву преодолеть трудности жена, Ольга Михайловна Компаниец, сын Илья и садоводы-любители. Когда тяжелые годы миновали, и дела стали налаживаться, Владимир Александрович заинтересовался новой технологией выращивания саженцев, которую весьма успешно применяет. Она обеспечивает стопроцентную приживаемость растений в течение всего лета.

Сейчас площадь питомника увеличилась до пяти гектаров. Недавно здесь заложены плантации неукрывного винограда, планируется вывести морозостойкие сорта абрикоса, расширить площади, занятые розарием, малиной, клубникой, чёрной смородиной. В недалёком будущем «Школьный сад» приступит к строительству лаборатории микрклонального размножения растений по системе «in vitro». Её пропагандирует известный селекционер, кандидат сельскохозяйственных наук Михаил Джигадло, который выращивает саженцы плодовых культур, стойкие по отношению ко всяким вирусам.

ПАХНЕТ ЯБЛОКАМИ И МАЛИНОЙ

Эта миграция по весне ставит в тупик жителей других стран. Слово «дача» на другие языки попросту непереводимо. Ну как объяснить, предположим, англичанину, чем дача отличается от загородного дома, а итальянцу от виллы? Наверное, нужно сказать так:

– Мистер, сеньор, сэр, это примерно то же самое, что ка-торга. Там жарко, как в пекле. Там приходится работать так, что по ночам ноют кости, а днем постоянно рыдает маленькая дочурка соседа. Она плачет и оттого, что с ней никто не занимается, и она предоставлена сама себе, и оттого, что ее нещадно грызут комары-кровопийцы – эти маленькие вампиры на дачных участках почему-то всегда злощие и голодные.

А разве поймут иностранцы, что нас постоянно мучает проблема с канализацией, вечная, как призрак коммунизма?! Они, к сожалению, не ориентируются в нашем специфическом интерьере: у них и личные биотуалеты имеются. И, конечно же, иноземных буржуинов не затягивает, как в омут с головой и всеми потрохами, эта самая дача. У нас же возникает натуральная зависимость от нее – похлеице, чем алкогольная или наркотическая. Мы испытываем к ней и ненависть, и любовь одновременно. И уже давно.

Хоть палку в землю всунь...

Нижегородский край издавна славился плодородием почвы. Сигизмунд Герберштейн, немецкий дипломат и путешественник, в опубликованной в 1549 году книге «Записки о Московии», уверял, что в нижегородских землях нередко урожаи сам-20 и сам-30. То есть, собирали хлебопашцы по многу центнеров ржи и пшеницы с гектара. А уж на грядках росло всё: хоть палку всунь в землю – зазеленеет.

Как отмечалось в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», «садоводство было широко развито в Васильском, Горбатовском, Азамасском, Княгининском, Макарьевском уездах, а также в самом Нижнем Новгороде и вблизи его». Особенно славился своими фруктами Арзамас, высоко котиrowались и горбатовские вишни. Эти фрукты и ягоды доставлялись на ликеро-водочные заводы. И вина, изготовленные здесь, славились по всей России и даже отправлялись за границу.

Первым изобрел механику переработки плодово-овощной продукции фаворит Екатерины II князь Потемкин-Таврический. Он заказывал у жителей Подновья по триста кадок с солеными огурцами. Не чурались подновских даров природы известный механик Иван Кулибин, историк Михаил Погодин и даже император Александр I. Во время Великого поста огурчики с ржаным хлебом шли хорошо даже на вельможных столах.

Секрет своего труда подновцы ревниво оберегали. Доче-

рей выдавали только за тех, кто родился и вырос в Подновье. Секрет же подновских «напёрстков» -корнюшонов так и не разгадан. Говорят, крестьянин Федор Куранов унес его с собой в могилу. А при нём пропорции приготовления рас-сола ни в коем случае не нарушались: нужно, чтобы было в меру и специй, и листьев дуба, и смородины, и вишни, и укропа, и хрена. Все это помещалось затем в большую тык-ву и хранилось, не теряя своих великолепных качеств, прак-тически всю зиму. Огурчики так и хрустели на зубах.

Надо сказать, что Подновье сборы урожая превращали в огромную кондитерскую. Запах здесь стоял обалденный. Аромат варенья смешивался с ароматом яблок и слив, зем-ляничкой, крыжовником, малиной, смородиной. Есть свиде-тельства Владимира Короленко, что Максим Горький часто приходил сюда, чтобы вдыхать этот невообразимый запах. Встретил здесь он и свою первую, не слишком-то разделен-ную любовь, Ольгу Каминскую.

А лодырей будем сечь!

Другая садово-огородная история связана с уже с бо-лее-менее близким от нас временем, когда после Великой Отечественной войны в стране была разруха. Американцы перестали помогать бывшим союзникам своей безвкусной тушенкой и резиновой кашей. Солдаты наши шутили, что она заправлена вазелином или солидолом. Нужно было рас-считывать только на себя. И Сталин подписал постановле-

ние о развитии коллективного садоводства и огородничества. Наверное, первым на него откликнулся заводской комитет профсоюза ГАЗа. Просьба у профкомовцев была одна: выделить 23 гектара земли в районе деревни Малышево для организации садоводческого товарищества.

Надо сказать, что раньше автозаводцы занимали участки «самозахватом». В 1933 году, как писала многотиражная газета «Автогигант», на ГАЗе было 110 индивидуальных огородов, а в 1934-м – уже 4270. С них было собрано 2450 тонн картофеля, 215 тонн овощей. Многие получали через кассу взаимопомощи ссуды на приобретение семян, ручного инвентаря. Садоводам выделили два трактора, жерди «по 5 копеек за штуку» – большой дефицит по тому времени.

В разгар войны, в 1943 году, огородами пользовались уже свыше 20 тысяч человек. Они собрали 9 тысяч тонн картошки и овощей, много капусты, моркови, редиски, перца, лука, зелени, кабачков, баклажанов и даже дынь и арбузов. Немцы, хотя и регулярно бомбили ГАЗовские цехи и огороды, ничего не могли противопоставить людям, которые самоотверженно сражались за свой прокорм.

Но при всем при этом в бочке меда присутствовала и некоторая ложка дегтя. Во время войны и после нее многие автозаводцы продолжали работать в две смены – нужно было кормить своих домочадцев, а семьи тогда были многодетными. И этих людей, как правило, фронтовиков или их вдов, которые просто из-за элементарной физической усталости

не могли выбраться на свои участки, тем не менее клеймили позором. Даже лозунги вешали: «Сразу видно: здесь работник – нерадивый огородник!». А иные наиболее кардинально настроенные граждане обещали как-нибудь поймать «лентяев» и высечь.

Сегодня это как-то неактуально.

Стоит терем-теремок...

Свои десять соток моя родственница приобрела под Богородском. Но высокий статус сельского земледельца потребовал и других затрат. Пришлось уплатить за строительство подъездной дороги, за возведение забора, за электрификацию, в конце концов, за туалет с выгребной ямой. Он получил название «Теремок».

Мечты были голубыми...

Родственнице требовалась экстренная помощь – нужно было сажать картошку. В итоге началась и моя личная дачная жизнь. Чем все это обернется, я не представлял, поскольку всю жизнь прожил в городе и с трудом отличал патиссон от баклажана.

А Ирина Васильевна, казалось, попала после долгой командировки в чужую страну с небоскребами и всеми благами цивилизации в свою родную стихию. Она не замечала ни палящего солнца, ни автомобильных «пробок», когда мы спешили на свой участок, ни хулиганствующих крово-

пийц, которые, как «МиГи», барражировали над участком круглые сутки под аккомпанемент своего ледящего душу писка в сопровождении объединенного лягушачьего хора.

– Мы посадим жасмин и репку, – мечтательно говорила она, убивая очередного летающего забияку. – А еще малину, смородину и облепиху, тюльпаны и гладиолусы, розы и виноград.

– Здесь климат не тот, – пытался возразить я. – Не вырастет ведь – холодно.

Но Ирину Васильевну было трудно переубедить.

Загородный синдром

В следующий свой приезд я первым делом отправился в «теремок». И тут же выскочил из него, как будто меня ошпарили кипятком. Туалет представлял собой сооружение крайне странное. Его почему-то перекосило так, что пол «уехал», а стены распирали крышу, которая грозила обрушиться в любую минуту...

Умельцы, которые возвели это сооружение, благополучно исчезли. Мы их искали две субботы и воскресенья подряд, но так и не нашли.

Постепенно выяснилось, что любая бытовая мелочь, которую в большом городе просто не замечаешь, на даче приобретает черты фатальности. Пёс Тимка, которого Ирина Васильевна привезла с собой, поймал лягушку и, возможно, ее съел. Я повез бедолагу к ветеринару. А по дороге не ожи-

данно подумал, что мчусь к нему совершенно напрасно. Для французов лягушачьи лапки – изысканный деликатес. Видимо, в своей прошлой жизни Тимка обедал в лучших ресторанах Парижа или Лиона...

В тот же день нам едва не пришлось вызывать пожарных. Ирина Васильевна попросила меня сжечь мусор, скопившийся возле сарайчика. Я подпалил его. И что же? Ветер подул в противоположную сторону. Пламя только на метр-полтора не дотянулось до склада-хранилища нашего садового инвентаря...

И еще один случай, который произошел несколько позже. Однажды я позабыл внести в этот злополучный сарай ведро цемента, который нам презентовал сосед по участку. А ночью пошел сильный дождь. Когда мы утром с Ириной Васильевной вышли из своей темницы, то обомлели: грядки с луком, петрушкой и укропом были покрыты белой цементной коркой.

Маленькие замки

Кое-какой опыт в садоводстве и цветоводстве Ирина Васильевна со временем приобрела. Помогли и советы ландшафтных архитекторов. Оказалось, что от рациональной планировки в значительной степени зависит урожайность растений. Нужно к тому же учитывать и их взаимное влияние друг на друга. Некоторые из них, как два медведя в одной берлоге, попросту не уживаются.

Конечно, по-хорошему нужно было прежде всего позаботиться о садовом домике. Об этом, кстати, хорошо знали наши предки. Со второй половины XIX века вокруг Москвы и Петербурга развернулось строительство, как тогда их называли, «лесных дач». Они стали появляться и вблизи других городов, в том числе и Нижнего: на Мызе и Щелоковском хуторе, в Черноречье. Застройщиками были люди разных сословий. Некоторые дворяне-землевладельцы стали продавать их или сдавать земли в аренду. Средняя годовая цена за аренду десятины (чуть больше гектара) в начале XX века составляла 25 рублей.

Главной комнатой в садовом доме тех лет была столовая, сообщающаяся с пристроенной кухней или имеющая выход на задний двор, где находилась баня. Обязательно должна быть веранда, где пили чай в теплые дни. В саду на специальной площадке устраивались танцы. Самовар также ставили в беседке.

Деревянная архитектура дач придавала им сходство с маленькими замками и со сказочными теремами. Бесчисленные башенки, мансарды, мезонины, балкончики, искусная резьба на фоне зелени создавали какую-то особенную атмосферу высокой духовности. И далеко не случайно, что многие великие поэты, писатели, музыканты, ученые предпочитали жить не в многоквартирных городских домах, а именно на дачах.

Не надо кому-то подражать

Главная заповедь дачника – не надо кому-то подражать, иначе наши садовые убежища будут похожи друг на друга, как близнецы-братья. И многие строят сегодня на своих сотках домики «под старину», реставрируют старые, сохраняя прежний их облик. Это радует: такие дома передаются по наследству детям и внукам, они становятся местом, где с бывшими хозяевами общаются даже тогда, когда их не станет.

Но в то же время возникают вопросы: можно ли найти самое оптимальное место, где должен расположиться садовый домик, как лучше разместить огородные грядки, клумбы с цветами, фруктовые деревья? Практика дает целый ряд таких советов.

Домик должен располагаться в 5—6 метрах от дороги, а его окна выходить на запад и восток – в этом случае в помещении будет поддерживаться постоянная температура. Если окна выходят на север и юг, то тогда в одном месте дачник не продохнёт от жары, а в другом, наоборот, ощутит неприятные сквозняки и далеко не летнюю прохладу.

Там, на проложенных дорожках...

Важный элемент дачного интерьера – садовые дорожки. Ирина Васильевна поняла сразу: они придают дополнительную красоту. Нужно только подобрать соответствующий материал и проявить фантазию.

Вариантов мощения много. Мы применили для покрытия

обычные кирпичи. Обошлись без прокладок из щебня и бетонного основания. Кто-то из знакомых предложил использовать тротуарную плитку, но тут возникают дополнительные сложности. Нужны специальная гидравлическая машинка и бензиновый вибратор, чтобы раскалывать и плотно сбивать бордюрные блоки.

Вначале мы выкопали траншею, утрамбовали её дно, а затем принялись за бордюр. Его для экономии сделали из досок, которые предварительно обработали антисептиком. Затем добавили грунт, который снова утрамбовали, и 5-сантиметровый слой песка. Сверху уложили кирпич.

А когда дорожку посыпали мелким белым песком, то на фоне зелени, если не брать во внимание домик-фургон, можно невзначай и ошибиться, приняв участок за ранчо состоятельного американца.

Но нас перещеголял сосед по дачному участку, Борис Иванович. У него дорожки сделаны из разноцветной гальки. Он смешивает её с мелко нарезанными пластиковыми бутылками, осколками керамики и стекла, скрепляя все это цементом. Выглядит очень импозантно, а затраты минимальные.

Пару слов напоследок

Успехи Ирины Васильевны в огородничестве и цветоводстве превзошли все ожидания. Она выращивает огурцы, помидоры, лук, кабачки, другие овощи, ягоды. Жаль только,

что картошка мелкая, но все, как говорится, еще впереди. Опыт приходит не сразу.

Дача далека от идеала, но зато здесь такой чистый воздух, что не надышишься. А еще пахнет яблоками и малиной.

В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

Абсолютная тишина только изредка нарушаемая шелестом крыльев и писком летучих мышей, непроницаемый мрак. Фонарь высвечивает известковые наплывы на своде и стенах...

Это – пещеры неописуемо красивого Ичалковского бора.

Карст на все горазд

Площадь этого бора – почти тысяча гектаров. Этот лесной массив уникален. Река здесь делает самую замысловатую свою извилину. Здесь, в Ичалках, находится островок реликтовых сосен и многочисленные карстовые провалы.

Но деревьев-великанов все меньше и меньше. Они достаточно пожилые. Их возраст – триста лет, для сосны критический. В советское время реликты безжалостно вырубались. Их древесину использовали в судостроении, и до сих пор на плаву корабли, чьи надстройки родом из Ичалок.

В сосновом бору можно увидеть и крайне редкое растение – папоротник асплению зелёную. Между прочим, кроме Нижегородской области, на Русской равнине он больше нигде не встречается. Лоси, косули и зайцы уникальностью не блещут, но такого изобилия, как здесь, на Нижегородчине больше нет (Керженский заповедник не в счёт). А там, где косули и зайцы, там, разумеется, и волки. По ночам из чащо-

бы нередко раздается протяжный вой, пугающий туристов.

Вздохи и стоны из глубины

Самая глубокая пещера в Ичалках — Холодная (другое ее название — Ледяная). Вход в неё отвесный. Вокруг — глыбы известняка, чахлые березки и липы.

Из ненасытной утробы земли дохнуло холодом. Тут еще тучи сгустились, туманя дорогу.

— Неуютно здесь как-то, — проворчал Андрей Лисин, спелеолог из Санкт-Петербурга. Но у него интерес к Ичалковскому бору двойной — Андрей занимается изучением карстовых процессов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.